

следует отметить, что автор иной раз впадает в вульгаризацию и допускает стилистические ляпсусы:

«Если бы диаметр... залез в верхнюю половину круга» (стр. 16); «Солнце примерно в полтора раза меньше этой цифры» (стр. 62); «Солнце равно $\frac{1}{720}$ большого круга солнечной системы» (стр. 148); «он затабулировал все решения» (стр. 130) и т. д. Такого рода выражения не украшают научную книгу.

Транскрипция некоторых имен также может вызвать возражения. Может быть, «Уоллис» и лучше соответствует английскому чтению фамилии Wallis, но в нашей литературе принята транскрипция латинизированного имени Wallisius (Валлис). Ее следовало бы дать хотя бы в скобках, чтобы читатель знал, о ком идет речь. Арабского имени «Мохтассо» не существует, а сочетание «Альмохтассо абиль Хасан» вообще невозможно. Вероятно, имеется в виду (стр. 239) математик Мухтассим. Арабское имя *Сабит*¹ (первая согласная звучит как английское th) лучше было бы писать не «Табит», а «Сабит» согласно с произношением, принятым у народов СССР, к которым это имя перешло от ислама. Арабское имя «Исхак» никак нельзя писать «Ишак», как это делает С. Я. Лурье, опираясь, вероятно, на какую-нибудь немецкую транскрипцию.

В заключение хочется выразить пожелание, чтобы сделанные здесь замечания были учтены автором при подготовке нового издания книги, и выразить надежду, что после соответствующей переработки указанные выше достоинства книги С. Я. Лурье сделают ее прекрасным материалом для изучения важнейшего этапа истории античной математической мысли.

М. Я. Выгодский

«СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ», т. УШ, М.—Л., 1946, 318 стр.

Том VIII сборника «Советская археология» был составлен еще до Великой Отечественной войны. Он содержит публикации интересных материалов и делится на два раздела: статей и мелких сообщений. В числе первых обработанные С. Н. Замятниным дневники раскопок скифского могильника «Часть е кургань» под Воронежем, произведенные Воронежской ученой архивной комиссией в 1910—1915 гг.; статья погибшего в Ленинграде во время блокады Г. П. Сосновского «Раскопки Ильмовой Пади»; В. Н. Кононова—«Технологическая характеристика тканей из могил Ильмовой Пади»; И. В. Сяницына—«К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья»; Л. А. Ельницкого—«Из истории эллинистических культов в Причерноморье» (Дионис-Сфакий); Г. И. Мосберг—«К изучению могильников римского времени юго-западного Крыма»; М. И. Артамонова—«Древний Дербент». В сборнике имеется ряд исследований, посвященных памятникам русской культуры и средневекового Херсонеса; Н. Н. Воронина—«Социальная топография Владимира XII—XIII вв. и чертеж 1715 г.»; М. К. Каргер—«Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде» (1933—1935 гг.); В. И. Лесючевского, погибшего во время Отечественной войны в Ленинграде,—«Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства»; В. П. Тарановича—«К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР»; А. Л. Якобсона—«Из истории средневековой архитектуры в Крыму. III. Средневековые бани Херсонеса».

Второй раздел (мелких сообщений) включает ряд интересных публикаций. Здесь имеются: статья Н. Н. Грибановского, приводящая сведения о писаницах Якутии; публикация А. П. Окладниковым новой скифской находки на верхней Лене; статья С. М. Сергеева—«О резных костяных украшениях конской узда из скифского погребения на Алтае»; погибшего на фронте во время Великой Отечественной войны А. А. Мансурова, опубликовавшего старорязанские и пронские гончар-

¹ Пользуюсь русской транскрипцией арабских согласных, предложенной Н. В. Юшмановым («Грамматика арабского языка», 1928).

ные клейма; Н. П. Милонова, издавшего интересную печать XV в.; Н. Н. Воронина— «Хутынский столп 1535 г.» и М. П. Грязнова— «Техника графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по фрагментам».

Первая статья—С. Н. Замятнин: «Частые курганы»— посвящена крупнейшему памятнику скифской культуры на Дону, давшему ряд интересных вещей, широко известных в науке. Это прежде всего знаменитый серебряный сосуд с изображением скифов и кинжал с рукояткой, обтянутой золотом, орнаментированной в зверином стиле. Остальной материал оставался по существу вне внимания широкой научной общественности, и большие раскопки Воронежской архивной комиссии 1910—1915 гг. оставались неизданными, если не считать их краткой характеристики в сводной работе А. А. Спицына «Курганы скифов-пахарей» и в монографии М. И. Ростовцева «Скифия и Боспор».

Однако этот курганный могильник, по своему значению выходящий далеко за пределы рядового материала, продолжал интересовать археологов. Этим объясняется, что в 1928 г. на него обратил внимание В. А. Городцов, раскопавший по поручению Государственного исторического музея несколько курганов, содержавших погребения IV в. до н. э. Все это заставляет приветствовать опубликование вещей, полученных раскопками 1910—1915 гг. Статья содержит историю открытия могильника и первоначальных исследований, произведенных А. И. Мартиневичем, С. Е. Зверевым, В. Д. Языковым, А. Л. Дольским, а также характеристику 13 курганов—приемов их раскопки и найденных вещей, составленную на основе дневников и газетных сообщений. В этой части приведены все основные сведения, касающиеся обряда захоронения и устройства могил. Это типичные скифские курганы с достаточно высокими насыпями, под которыми находятся прямоугольные могилы со стенами, облицованными деревом, со столбами, поддерживающими настил: человеческие костяки, лежащие головой к югу, сопровождаются костями лошади и вещами. Автор дает приблизительно размещение погребального инвентаря и добавляет в ряде случаев свое толкование прослеженных явлений. Характеристика каждого кургана сопровождается подробными, за некоторыми исключениями, описаниями вещей. Такой порядок опубликования материала дает возможность датировать могильник более точно, исходя из комплексов отдельных курганов. Богатство и разнообразие материала, представленного вооружением, частями костюма, украшениями и предметами прикладного искусства, позволяет охарактеризовать не только скифскую культуру среднего Дона, чего невозможно сделать столь полно по другим памятникам, но и установить мощное влияние скифов на культуру соседей, хорошо прослеживаемую на средней Волге и Каме. Однако приходится пожалеть, что автор не дал в этой работе ни анализа вещей, ни характеристики некрополя в целом, за исключением отдельных весьма интересных сопоставлений и нескольких строк, касающихся вопроса датировки могильника. Для обоснования правильно, хотя и бегло, установленной даты автор привлек ряд убедительных аналогий, позволивших выделить более ранние курганы, внося тем самым изменение в принятую в настоящее время датировку. Правда, с мнением автора, что «бронзовые наконечники стрел (при полном отсутствии железных) говорят о раннем времени» (стр. 48), нельзя согласиться. Следует напомнить, что железные втульчатые стрелы появляются одновременно с бронзовыми, о чем уже писал Б. Н. Граков, основываясь на работе Е. О. Прушевской¹.

Нельзя пройти мимо одного существенного пробела при публикации этого памятника. Автор нигде не указал типов бронзовых стрел, которые он характеризует весьма суммарно: «наконечники стрел бронзовые и железные. Первые 9 экземпляров. Все трехгранные трех разных видов» (стр. 41), или «122 бронзовых трехгранных наконечника стрел трех типов» (стр. 34), и только в одном случае (стр. 30) он отмечает аналогию, ссылаясь на «Известия Археологической комиссии» (вып. 3).

¹ Б. Н. Граков, Техника изготовления наконечников стрел, РАНИОН, М. 1930.

«Частые Курганы» — памятник исключительной ценности. Он несет в себе некоторые черты, свидетельствующие о связи с доскифской культурой, что чувствуется хотя бы по форме железных ножей, напоминающих более ранние бронзовые ножи «Сосновой Мазы». Весьма ценны типы вещей, позднее получившие развитие у финских народов Поволжья и Приуралья, к числу которых надо отнести железную пряжку — прототип Скольгамы — и ряд бронзовых украшений, характерных для Прикамья (рис. 2, 7, 6). Нельзя пройти мимо приведенной автором аналогии наверху золотого гребня Частых Курганов из Сале-Харда, дающей материал для истории звериного стиля. Автор прав, напоминая о необходимости дальнейшего исследования Частых Курганов.

Приходится только пожалеть, что «Советская археология» ограничилась таким половинчатым изданием материала, не сопровождая его анализом вещей. Это тем более обидно, что при новом исследовании нельзя будет ограничиться статьей С. Н. Замятнина, а придется заново прорабатывать собрания музеев.

В статье «Раскопки Ильмовой Пади» Г. П. Сосновского опубликованы результаты раскопок 1928—29 гг. Дается описание могильника, формы могил, обряда погребений, гробов, их отделки и вещественных находок. Исследованиями установлено, что большие каменные насыпи со «шлейфами», раскопанные в Ильмовой Пади, содержат богатые захоронения представителей родовой знати. Среди вещей обычны изделия из серебра, белого нефрита, остаток китайских шелковых вышитых тканей. Интересны обломки лакированных китайских чашек, аналогичные ноин-улинским Ханьской эпохи, которые были добыты раскопками П. К. Козлова. Анализ найденного материала позволил автору убедительно сопоставить большие курганы Ильмовой Пади с курганами квадратной формы со «шлейфами» Ноин-Улинского могильника. Все эти курганы хорошо датированы надписью на китайской лакированной чашке из Ноин-Улы — 2 г. до н. э., что подтверждается и остальным материалом. Могильники Ноин-Улы и Ильмовая Падь одновременны и принадлежат гуннам. Автор привлек сведения китайских источников, рисуящие обряд погребения гуннов таким, каким он прослежен археологами. Несмотря на предвзятый характер публикации, статья содержит все основные элементы атрибуции памятника, вводящие его в научный обиход как новый исторический источник. Небольшая, весьма ценная, статья В. Н. Кононова содержит детальный разбор тканей. В ней указаны приемы их расчистки и реставрации.

Статья И. В. Синицына посвящена публикации результатов раскопок 1927 г., проведенных П. Д. Рау на правом нагорном берегу Волги, в верховьях реки Иловли. Автор делит открытые погребения на три хронологические группы, отнесенные им по форме могилы, ритуалу и найденным вещам к трем эпохам: эллинистической, ранне- и позднеримской. Очень кратко и вместе с тем исчерпывающе обрисованы вещевые находки с указанием датирующих предметов. Особо автор отмечает костяные наверху гребня с изображением пары конских головок, повернутых в противоположные стороны, которые, по мнению автора, позволяют говорить о культовом характере изображений коня у сарматских племен Поволжья. Правильно подчеркнув широкое распространение изображений коня в прикладном искусстве племен Прикамья в начале II тысячелетия н. э., автор допустил оговорку, назвав эту эпоху «Ананьинской». Автор прав, делая предположение о генетической связи сарматских изображений с более поздним искусством Руси и народов Поволжья и Приуралья; это тем более вероятно, что хронологического разрыва нет, так как в Поволжье и Прикамье этот образ известен уже в Пьяноборскую эпоху, современную сарматской, и в последующую, так называемую Ломогаговскую (VI—IX вв.). Эта ясная и четкая по своим положениям статья является предисловием к дневнику раскопок, хорошо иллюстрированному рисунками вещей и чертежами погребений.

Статья Л. А. Ельницкого посвящена одной интересной находке, происходящей из раскопок Фанагории 1937 г., произведенных экспедицией Государственного исторического музея. Это небольшая терракота, хорошо датируемая по условиям находки не позднее чем III в. н. э., а по детальному стилистическому анализу автора — не позд-

нее II века н. э. Атрибуция терракоты ввиду ее фрагментарности оказалась весьма трудной. Один только фригийский колпак заставил автора отнести ее к статуйному кругу, связанному с изображением божеств мистических и оргиастических культов, родиной которых были Малая Азия и Фригия. Близость статуэтки к известным изображениям Сабазия и редкость последних заставляет считать публикуемую находку весьма ценной. Автор подверг детальному разбору ряд изображений Сабазия и свидетельства античных писателей и посвятил значительную часть работы характеристике самого культа и выяснению его распространения в античном мире. Путем целого ряда сопоставлений автор установил возможность рассматривать фанагорийскую находку как промежуточное звено между фракийскими и малоазийскими изображениями Диониса-Сабазия. Присутствие этого изображения в Фанагории римского времени—явление совершенно закономерное, подтверждаемое наличием ряда памятников, дающих понятие о существовании подходящей почвы для распространения фракийско-малоазийских мистических культов в Северном Причерноморье. Разобранный статья представляет солидное исследование и вносит много нового в историю религиозных представлений древнего населения Северного Причерноморья.

Статья Г. И. Мосберга посвящена характеристике открытых в 1937—1938 гг. погребений Бельбекского могильника с деформированными черепами, катакомбных погребений I—II вв. н. э. и рядовых могильников I—IV вв. Автор отмечает, что сосуществование нескольких обрядов погребений свидетельствует о многоплеменном составе населения юго-западного Крыма в римскую эпоху.

Статья М. И. Артамонова дает детальную характеристику известной дербентской стены, причем автор отмечает отдельные строительные этапы.

Ряд статей посвящен вопросам русской культуры.

Первая из них—Н. Н. Вороница—«Социальная топография Владимира XII—XIII вв. и «чертеж» 1715 г.» определяет время составления плана и дает его анализ, позволяющий поставить вопрос о топографии города в XII в. и последовательности возникновения трех его частей: кремля, земляного и «ветчаного» города. Статья М. К. Каргера «Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде» содержит краткие сведения по истории монастыря и постройке Георгиевского собора, о работе по его реставрации, позволившей выявить его первоначальный облик, и характеристику археологических раскопок внутри собора с персональной атрибуцией открытых погребений.

Статья В. И. Лесючевского содержит анализ миниатюры с изображением князя Бориса в сказании епископа Ипполита о Христе и об антихристе из библиотеки Чудова монастыря. Приведены исторические данные о постепенном возникновении культа и дана характеристика иконографии князей Бориса и Глеба в древнерусском искусстве.

Статья В. П. Тарановича «К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР» содержит перечисление памятников, краткие историографические сведения и мнение автора о значении этих камней. К статье приложен список литературы.

Работа А. Л. Якобсона содержит публикацию двух бань средневекового Херсонеса и сопоставление их с современными им армянскими банями.

Статья Н. Н. Грибановского «Сведения о писаницах Якутии» написана на основе литературных данных и материалов, собранных автором от краеведов. Перечисленные писаницы, в том числе находящиеся на юге Якутии, в большинстве своем сделаны красной краской, а в северных районах высечены на камне.

А. П. Окладников в статье «Новая скифская находка на верхней Лене» издал литую бронзовую бляшку со сценой борьбы двух животных, входящую в число памятников прикладного искусства степных племен Сибири. На пластинке изображен поединок козла и хищника в характерной реалистической передаче в сочетании с декоративной стилизацией, типичной для скифо-сарматского времени. Автор сближает находку с золотой пряжкой из Metropolitan Museum в Нью-Йорке, изданной М. И. Ростовцевым, относя последнюю к группе изделий, характерных для Папы-

рыцкого кургана, и с золотой бляхой из Верхнеудинска I в. до н. э. Находку с верхней Лены можно поместить между этими вещами. Автор правильно считает ее моложе нью-йоркской и старше верхнеудинской.

В статье С. М. Сергеева опубликованы результаты раскопок одного из курганов около села Красноярского, близ города Бийска, в 1929 г., давшие весьма редкую находку в виде вырезанных из кости принадлежностей конской узды, богато орнаментированных фигурами животных. В заметке приведены выдержки из дневника раскопок и дано описание частей конской узды. Автор сближает открытый им памятник по времени с курганами, исследованными в 1937 г. С. В. Киселевым около села Туяхты и условно названными скифскими. В заметке А. А. Мансурова «Старорязанские и пронские гончарные клейма» дана характеристика клейм этих двух городов и отмечена разница в их нанесении. Н. П. Милонов в заметке «Тверская печать XV в.» привел аналогии печати, найденной при раскопках Тверского кремля в 1936 г.

Статья И. И. Воронина «Хутынский столп 1535 г.» касается проблемы развития шатровой архитектуры в русском зодчестве.

Сборник заканчивается статьей М. Н. Грязнова, содержащей описание приемов изучения керамики и весьма полезной археологам и музейным работникам.

В целом сборник содержит ряд ценных статей историко-археологического характера, ряд интересных публикаций новых памятников. Однако нельзя не пожалеть, что в единственном крупном выходящем в данное время археологическом сборнике—«Советской археологии»—не нашли отражения наиболее важные и актуальные вопросы современной археологии.

Проф. А. П. Смирнов

Е. П. КРУПНОВ, *«Краткий очерк археологии Кабардинской АССР»*. Издание Кабардинского научно-исследовательского ин-та, Кабгосиздат, Нальчик, 1946.

Двадцать пятой годовщине советской Кабарды посвящает Е. П. Крупнов свою работу. Книга подводит предварительный итог долголетним работам историков и археологов о Кабарде. Литература о прошлом Кабарды невелика. Существующие работы, как правило, посвящены отдельным вопросам, исследованию отдельных памятников и не дают обобщающих выводов. Этот пробел, как отмечено в предисловии редактора, и пытается восполнить Е. П. Крупнов. Для воссоздания истории древних эпох первостепенное значение принадлежит данным археологии. Автор показывает, что человек на территории Кавказа появился в каменном веке. Если на описываемом пространстве памятников эпохи палеолита еще не найдено, то для периода неолита, особенно для эпохи, граничащей со временем появления металла, мы располагаем уже определенными данными, говорящими о жизни человека на территории Кабарды. Об этом свидетельствует стоянка на реке Кенже, находки близ Затишья в окрестностях Нальчика, находки на берегах рек Шамушки и Малки, на берегах Баксана, но особенно интересными и показательными в этом отношении являются раскопки Агубековского поселения и Нальчинского кургана. Находки в кургане и на поселении позволяют автору сделать определенные выводы в отношении образа жизни человека в то время. Это эпоха начала примитивного земледелия, эпоха матриархального родового строя, время перехода от низшей к средней ступени варварства. Путем сопоставления найденных вещей с находками из других мест становится возможным установить дату исследуемых объектов—вторая половина III тысячелетия до н. э.

На почве Кабардинской республики эпохе бронзы соответствует Долинское поселение близ Нальчика. Здесь открыты остатки жилищ в виде больших плетеных хижин, обмазанных глиной, с глинобитным полом, очагами и глиняной посудой. Среди вещей следует отметить находки каменных мотыг, зернотерок, вкладышей для серпов и т. д. Ряд черт сближает эти вещи с предметами, найденными в курганах на Кубани (в Май-